

«СЛУЖЕНЬЕ ДОБРУ И СВЕТУ...»

(К 70-летию Игоря Игнатенко)

Принято считать, что *поэт в России – больше, чем поэт...* Применима ли эта хрестоматийная строчка Евтушенко к Игорю Игнатенко? Чем для него является поэтическое творчество? Призванием, увлечением, привычкой, профессией, формой самореализации, потребностью в признании, способом заявить свою гражданскую позицию, стремлением *учительствовать, пророчествовать*? Наверное, всем перечисленным и ещё многим другим. Но главное – для него это наиболее естественная форма существования, самый органичный способ познания себя и мира.

Его собственная жизненная стезя интересна и поучительна уже тем, что вобрала в себя всё то, через что прошло большинство людей его поколения: трудное военное и послевоенное детство, учёба в школе и вузе, комсомол, спорт, армия, настоящая мужская дружба, любовь, семья, дети, а позже и внуки, обретения и утраты, духовные и творческие искания, вера с светлые идеалы и такое же будущее... Но, может быть, в ещё большей степени биография Игнатенко примечательна тем, что пришлась на эпоху грандиозных социально-политических разломов рубежа XX–XXI столетий, на пору глобальных деформаций идеологических и духовно-нравственных основ, всего уклада жизни. Он не отрекался и не предавал то подлинно ценное, что вместила в себя советская эпоха, но и не цеплялся за отжившую идеологическую догматику, не пытался оправдать преступные деяния власти против народа. И при этом не спешил вливаться в хор задним умом прозревших «разоблачителей», не облачался в тогу беспристрастного судии века, с которым была неразрывно связана большая часть его жизни. «Уходит век. / Простись с ним. / И прости» («Уходит век») – так ёмко и мудро, с редким чувством меры и такта поэт выразил своё отношение к полному противоречий столетию.

В период, когда размывался ценностный фундамент общества, И. Игнатенко сумел сохранить устойчивую систему духовно-нравственных и социально-исторических координат, о чём и свидетельствует его творчество. Его поэзия и проза – это органичный сплав, если так можно выразиться, *русскости* и *советскости*, синтез наиболее близких национальному духу ценностей, в числе которых потребность в высоких идеалах, социальная справедливость, совесть, милосердие, коллективизм, любовь к родине, мир, труд, семья:

Всему мерило чёрный хлеб и труд,
А не гордыня, вправленная в золото.
Да будет мир!
Да будет детям Завтра!
И распрям всем –
Да будет Божий суд!
(«Междоусобица»)

Как рассказывал сам поэт, его детские, отроческие и ранние юношеские годы можно разделить на три части. Первая – жизнь в таёжном селе Ромны, от рождения (4 мая 1943 г.) и вплоть до четвёртого класса школы. Эти годы были заполнены радостью познания окружающего мира, прежде всего природного:

Это было когда-то,
Лет уж тридцать назад.
Я нырял в Кочковатом,
Распугав лягушат.
Бултыхался на Гребле,
Рвал на пойме щавель
И любил эту землю,
Как свою колыбель...
(«Кирпичный завод»)

Следующие два года прошли в Хабаровске, где отец Игоря учился в краевой совпартшколе. На эту пору приходится увлечения фотоделом, греблей и авиамодельным спортом. Пять завершающих школьных лет прошли в центре амурского земледелия – Тамбовке. Именно здесь произошло то, что определило дальнейшую судьбу Игоря: на чердаке дома школьного товарища Анатолия Дробязкина ребята нашли несколько поэтических сборников Есенина: «Радуница», «Голубень», «Преображение», «Сельский часослов», «Берёзовый ситец», «Исповедь хулигана»... Автобиографический герой рассказа Игнатенко «Вечерний разговор о невозвратном» (2006) подробнее рассказывает об этом случае: «Как потом Толик узнал, книжки отец из детдомовской библиотеки притащил домой. Там приготовились их сжечь по списку запрещённой литературы... Стали читать стихи там же, на чердаке... На фоне школьной хрестоматийной тягомотины будто из другого мира слышали голос...»

Знакомство с Есениным «потрясло на всю оставшуюся жизнь, словно в нас ударил разряд грозовой молнии», – так много лет спустя передавал свои детские впечатления И. Игнатенко. Произошло настоящее чудо – пробуждение творческого духа.

Давно замечено, что в стихах С. Есенина ощутимо присутствие Божьего Духа. Об этом, в частности, писал А. Солженицын в *крохотке* «На родине Есенина»: «Я иду по деревне этой, каких много и много... и волнуюсь: небесный огонь опалил однажды эту окрестность, и ещё сегодня он обжигает мне щёки здесь... Какой же слиток таланта метнул Творец сюда, в эту избу, в это сердце деревенского драчливого парня, чтобы тот, потрясённый, нашёл столько для красоты – у печи, в хлеву, на гумне, за околицей, – красоты, которую тысячу лет топчут и не замечают?...» В христианском богословии иногда используется метафора «внутренний свет», обозначающая изначальное предрасположение человеческой души к принятию и исповеданию спасительной веры в Христа. В таком понимании *внутренний свет* приравнивается к *озарению*, к религиозной интуиции и противопоставляется вере, построенной на рациональной основе, на опыте. Именно такой тип религиозности был присущ Есенину. Так что творческая искра, родившая амурского поэта, по сути, возникла от соприкосновения с тем светом, который излучает поэтическое слово Есенина. Внутренний свет есенинской лирики – это отражение божественной энергии, «небесного огня», *опалившего* когда-то окрестности Константинова. Вот что способно по-настоящему озарить, осветить, обогреть жизнь человека и окружающий его мир – небесный огонь.

Там, на чердаке, читая Есенина и сам того не сознавая, юный Игорь Игнатенко впервые ощутил его таинственное воздействие. Много позже он признавался: «Не знаю я молитвы ни одной, / Помимо этой: "Господи, помилуй!"» («*На поле Куликовом*»). Это, однако, не помешало ему понять, что подлинная поэзия должна изнутри освещаться лучами *внутреннего солнца* (выражение И.А. Ильина) – то есть излучаемого Творцом и отражаемого художником *небесного сияния*. Свет – важнейшая категория в творчестве И. Игнатенко. Можно вспомнить, что книгу своей прозы (2006) он назвал «Свет памяти», что в стихотворении «Памяти Игоря Ерёмкина» определил миссию поэта, как «служенье добру и свету». Но дело даже и не в самом слове: главное, что этот *внутренний свет* излучают его произведения.

Другая причина, предопределившая судьбу Игоря – влияние семьи, матери прежде всего. Позже он вспоминал: «В доме царил культ книги... Вслед за родителями я читал запоем, многого ещё не понимая, книжки Толстого и Шекспира, Пушкина и Лермонтова, Драйзера и Некрасова, Кольцова... Мама укрепила меня в мысли, что литературное творчество – одно из самых лучших дел на свете». Свою сыновнюю благодарность и трепетную любовь к рано ушедшей матери И. Игнатенко выразил в *венке сонетов* «Ровесница» и многих других проникновенных стихах.

А дальше были истфил Благовещенского пединститута (1959–1964) – там, по его словам, он «набирался ума-разума под руководством прекрасных педагогов А. Лосева, Б. Лебедева, А. Чешева, Е. Сычевского, В. Брысиной...», служба в Советской Армии (1964–1965), работа журналистом на амурском радио и телевидении (с 1965), в редакциях газет «Амурская правда», «Авангард», «Кадры – селу», корреспондентом на строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Многочисленные поездки по Приамурью, Дальнему Востоку и Советскому Союзу подарили яркие впечатления, нашедшие отражение в творчестве.

Как поэт И. Игнатенко впервые заявил о себе ещё в студенческие годы, публикуя стихи в институтской многотиражке «За педагогические кадры» и областных газетах, выступая на встречах с читателями в молодёжных аудиториях. Позже его произведения печатались во многих региональных и центральных газетах, журналах, альманахах, коллективных сборниках. С 1982 г. и по настоящее время писатель выпустил восемнадцать книг стихов и прозы. Пришло заслуженное признание – и читательское, и официальное: он дважды становился лауреатом Амурской премии в области литературы и искусства.

Семь лет (1977–1984) И. Игнатенко возглавлял областное литературное объединение «Приамурье». Был организатором и руководителем областных совещаний молодых литераторов, давших путёвку в большую литературу не одному десятку поэтов и прозаиков. В 1991 г. И. Игнатенко стал членом Союза писателей России, а в 1996-м был избран председателем правления Амурской областной общественной писательской организации и до сих пор её возглавляет.

Но главное, чем все эти годы была наполнена его жизнь – творчество.

В преддверие 70-летнего юбилея Игоря Даниловича Игнатенко, который будет отмечаться в мае 2013 г., вышел двухтомник его избранных произведений – уникальное издание, итог более чем полувековой творческой судьбы. «Избранное», составленное и композиционно выстроенное самим автором, даёт сравнительно полное и объёмное представление об И. Игнатенко как художнике слова.

В первый том автор включил лирику, в том числе стихи для детей, поэму «Годовые кольца», переводы с китайского – всего 367 стихотворений из примерно двух тысяч, созданных им. Второй том составили имеющие автобиографическую основу и тематически связанные с лирикой прозаические произведения: рассказы и повести «За хлебом», «По мокрому шоссе», «Вечерний разговор о невозвратном», «Что было, то было», «Бег по кругу», «Троеборец Жариков» и др.

На суд читателей, действительно, выносится *избранное* – лучшее, наиболее дорогое для И. Игнатенко, представляющее разные грани и периоды его творчества, разные жанры и темы. Конечно, не всё вошедшее художественно равноценно: одни тексты давно уже стали признанной классикой амурской литературы или претендуют на это, другие важны для автора, как вехи его жизненной и творческой судьбы, как память о том или ином событии или человеке.

Поэтический том разбит на несколько больших разделов. В раздел «Сердцебиение» автор включил тематические блоки, посвящённые основным этапам и событиям своей личной судьбы. Ключевые темы и мотивы раздела – амурский край, его природа и люди, физическое и нравственное становление человека, успехи и преодоления, радости и невзгоды, красота и любовь. Особо следует выделить стихи, отражающие детские и юношеские впечатления, занятия спортом (к слову сказать, в молодости Игнатенко был многократным чемпионом и рекордсменом области по лёгкой атлетике, становился чемпионом Дальнего Востока по десятиборью), любовные переживания. Ранние стихи до краёв наполнены восторгом, упоением юностью, в них не растратенная «свежесть, буйство глаз и половодье чувств». Это настоящий гимн родному амурскому краю, родителям, землякам, верным друзьям, наставникам, женщине, подарившей ему счастье и детей, это благодарение жизни, апология труда и творчества. Открытость, распахнутость души и сознания перед миром, вдохновенный порыв – всё это составляет основу художественного мироощущения начинающего поэта.

Тема родной природы находит высшее своё воплощение в разделе «Месяцеслов». Представленная в нём пейзажная лирика – яркая, многокрасочная, одухотворённая палитра. Это открытие растворённой в мире гармонии, это признание в любви к своей малой родине. Амурская земля, на которой поэт родился, с которой неразрывно связан – это тот малый уголок отчизны, который до слёз трогает его душу. Воспевая природу Приамурья, её красоту и совершенство, И. Игнатенко постигает и общее устройство мира, начинает ощущать свою органическую с ним связь.

Раздел «Багульник», включающий стихи для детей, тоже заслуживает внимания. При чтении этих произведений возникает чувство, что писались они не о детях вообще и адресовались не абстрактным малолетним читателям, а вполне конкретным – своим собственным детям и внукам. Может быть поэтому и получились такими искренними, светлыми, добрыми, радостными, искря-

щимися озорным юмором. И именно поэтому, как это ни парадоксально, могут быть интересны широкому читателю – как детям, так и взрослым.

Особая страница творчества И. Игнатенко – стихи о Великой Отечественной. Казалось бы, что нового может сказать поэт о войне через пятьдесят лет после Победы? Да ещё если сам не воевал, не нюхал, как говорится, пороха, не ходил в атаку. Тем не менее, он сумел сказать это новое слово. Может быть потому, что обладает даром художественного перевоплощения, способностью проживать чужую жизнь как свою собственную, чувствовать за другого, а, может быть, потому, что, так или иначе, война коснулась непосредственно и его самого. Да, он не воевал – поздно родился, но зато видел собственными глазами её последствия: хлебнувших лиха бывших фронтовиков («Бомбёжка»), калек («Самовар»), выставку трофейной немецкой техники («Сражение в Сокольниках»). Война убила, покалечила, угнала в плен родных ему людей («Рабы не мы»). Стихи И. Игнатенко о Великой Отечественной – из лучших в его творчестве, из самых пронзительных. Из тех, что долго не забываются, заставляя по-настоящему сопереживать. Секрет этой пронзительной силы – в выведенных героях: непродуманных, неповторимых, живых:

Замшелый, словно пень, Василий Крошко
Словцо промолвил звонкое: «Бомбёжка!»
Они горячий самогон с отцом
Плеснули в чарки с этим вот словцом.
«А было так, – припомнил дед Василий, –
Нас "Юнкеры" под Киевом месили.
Забился в щель я, словно мышь в нору,
И думал: не убьют, так сам помру...»
(«Бомбёжка»)

Эта правдивость, подлинность историй, человеческих судеб, типов, характеров, подлинность психологии и речи героев произведений о войне – главная причина творческого успеха автора.

Читая и перечитывая стихи Игнатенко, невольно обращаешь внимание на одну удивительную особенность: в юности и ранней молодости поэт живёт настоящим и одновременно устремлён в будущее, полон счастливых ожиданий, верит, что самое радостное ждёт и его самого, и амурский край, и страну впереди; в зрелые же годы, напротив, мыслями и чувствами он всё чаще возвращается вспять, в прошлое – и своё собственное, и историческое.

Ещё одно наблюдение: в ранний период творчества он ощущал себя прочно укоренённым прежде всего на взрастившей его амурской почве:

Родная приамурская земля,
Какие ветры над тобой шумели,
Гремели грозы и мели метели!
Раскину руки и скажу: "Моя!"»
(«Я сын полей»)

Ему не казались тогда тесными родные места, пространство Приамурья. И время, которое молодой поэт внутренне переживал, было то же самое, которое отбивали куранты главной кремлёвской башни и отмеряли циферблаты часов его современников. «Нелёгко путь, но ветер века, / Он в наши дует паруса», – так это мироощущение человека советской эпохи выразил А. Твардовский, ещё один близкий автору «Избранного» художник. В зрелой лирике, по-прежнему испытывая щемяще-острую привязанность к малой родине и современности, И. Игнатенко всё чаще осознаёт свою принадлежность России, Универсуму и Истории. Если прежде центром его поэтического космоса были места, где прошли детство и юность – Ромны, Тамбовка, Гильчин, Чергали, Хохлатское, Благовещенск, то теперь этим центром становится страна – Русь, Россия. И ощущает он себя не только *амурцем*, но и *русичем*. Он перестаёт ассоциировать себя только с современностью, сво-

бодно передвигаясь по шкале исторического времени и *по волнам своей памяти*. Теперь поэт – в равной мере современник и строителей БАМа, и бойцов Красной Армии времён Великой Отечественной, и воинов дружины князя Игоря, и ополченцев времён Минина и Пожарского:

Я тоже Игорь, Ингвар, скандинав,
Я тыщу лет на сече был кровавой,
И я на смерть давно имею право,
От вероломства всех князей устав...
(«Междоусобица»)

Обострённое переживание за Русь, которая с давних пор и доньше не может преодолеть «плен и мрак поражения и разора», которую по-прежнему «терзает враг» («Князь Игорь Новгород-Северский») – одно из самых стойких переживаний поэта.

Обращение к истории для него – это, в том числе, обращение к своей прапамяти, к тому, что на генном уровне передалось от далёких предков. То есть это и познание себя. И поэт способен ужаснуться догадке, что в нём и его современниках всё ещё живы зоологические инстинкты пращуров:

Я откопал на огороде
осколок камня – им когда-то
скоблил мой предок шкуру зверя –
пришёлся камень по руке;
и осенило – вот награда,
а может статья и расплата,
за то, что мало в чём различен
я с ним, аборигеном,
жившим в своём далёком далеке...
(«Находка»)

Русь в стихах И. Игнатенко – не просто территория или общность проживающих на ней народов, не просто государство со всеми его институтами, это ещё и феномен национальный, духовный, мистический. Но прежде всего – исторический. Древняя Русь, запечатлённая в легендах, исторических документах, литературе, на определённом этапе творчества становится средоточием многих его переживаний и дум. Да и Амур, Приамурье теперь всё чаще воспринимаются в историческом контексте, во временной перспективе, в свете преданий о первопроходцах, о тех, кто присоединил к России амурские земли. В поэте пробуждается чувство древности русской (и амурской, в том числе) земли, хранившаяся в глубинах его сознания и подсознания историческая память.

Не случайно, первый том «Избранного» открывают не детские или юношеские стихи автора, а зрелые его тексты, составившие самый большой раздел книги – «Времена». В нём поэт выстраивает свою собственную систему исторических координат. Среди событий, которые привлекают его внимание, поход князя Игоря, Куликовская битва, освоение Приамурья, Сталинградское сражение, битва за Берлин, строительство БАМа, Зейской и Бурейской ГЭС, августовский путч 1991 года... Этому ретроспективно развёрнутому событийному ряду соответствуют персонажи: Игорь Новгород-Северский, московский князь Дмитрий, Иоанн IV, Пушкин, Поярков, Муравьёв-Амурский, Невельской, Иннокентий Вениаминов... К известным именам можно добавить имена простых людей, тоже реальных, невыдуманных, но не попавших в скрижали истории: переживший лютую бомбёжку ветеран войны Василий Крошко, дядя поэта Иван, пропавший в немецком плену, тётя Елена, дважды сбегавшая из плена, двоюродный дядя Иван Игнатенко, мичман торпедного катера, кавалер медали Нахимова...

Своеобразный пролог поэтического тома – стихотворение «Археологи», благодаря выигрышному композиционному расположению задающее тональность и идейно-смысловую направ-

ленность всему своду избранной лирики И. Игнатенко. Автор соединяет в этом произведении свою собственную судьбу с общей судьбой народа, Приамурье с Россией, настоящее с прошлым, время с вечностью, землю с небом... Заданная смысловая парадигма проявляет себя уже в заглавии, актуализирующем ключевое для понимания эстетической программы Игнатенко слово. *Археологи* – это те, кто по отдельным сохранившимся предметам и даже их небольшим фрагментам, по найденным артефактам воссоздаёт, реконструирует общую картину исторического прошлого: не только подлинный облик полуистлевшей, распавшейся на бесформенные части вещи, но и быт, культуру, образ жизни и психологию предков:

Черепки от разбитой посуды
Так сумеете соединить,
Что протянется из ниоткуда
Воссозданий связующих нить.

И не только археолог, но и поэт или, выражаясь научно, лирический субъект стихотворения Игнатенко – та самая пушкинская «времён связующая нить», средоточие всех пространственно-временных и человеческих скреп, пересечений и связей.

И не есть ли лирика выпускника историко-филологического факультета БГПИ Игоря Игнатенко своеобразной *художественной, поэтической археологией*, цель и смысл которой – победа над тлением, распадом, забвением, иначе говоря, над смертью? Поэтическое слово и становится для автора тем магическим кристаллом, который даёт возможность увидеть, воссоздать, оживить то, что, казалось, навсегда кануло в Лету, навсегда исчезло или исчезнет с лика Земли:

Здесь когда-то стоял у Амура
Древний пращур, суровый, как Бог.
Исподлобья, с таёжным прищуром,
Озирал он великий поток.
Что мерещилось предку?
Что мнилось?
У струящейся в вечность воды
Беглой строчкою что приоткрылось,
И упрятало, стёрло следы?
Плыли зори.
Клубились туманы.
Сыпал звёзды ночной небосвод...
Затерявшихся лет караваны
Продолжают к нам трудный поход...

Художественный идеал, к которому стремится Игорь Игнатенко – *воскрешение словом*, творчество, которое сродни *чудотворству*. Автор «Августа» в данном абзаце процитирован и упомянут не всуе: слишком явственно приведённые выше строчки «Археологов» перекликаются с последней строфой «Гефсиманского сада», которым Пастернак завершает «Тетрадь Юрия Живаго»: «Я в гроб сойду и в третий день восстану, / И, как сплавляют по реке плоты, / Ко мне на суд, как баржи каравана, / Столетия поплывут из темноты». «Затерявшихся лет караваны» в стихотворении И. Игнатенко плывут *на суд* не только к археологам, но и к художнику слова, поэту.

О миссии поэта, о смысле творчества, о своих ближайших собратьях по ремеслу, ушедших и здравствующих – И. Ерёмине, Б. Машуке, О. Маслове и других, Игнатенко размышляет много: этой теме он посвятил отдельную большую сплотку стихов в разделе «Времена». Главная сквозная мысль всех этих произведений сводится к простой формуле: творчество – это поединок со смертью:

Значит, я обречён только верить и ждать...

Жить в заветных твореньях и не умирать.
(«Неведомое»)

Каждый пишет, как он... дышит. Если принять за аксиому известные строчки Окуджавы и перечитать стихи И. Игнатенко в хронологическом порядке, можно заметить, что его поэтическое дыхание не остаётся неизменным, что ритмико-интонационный строй его лирики меняется, и что это изменение имеет определённую направленность. И дело, видимо, не в том, что с возрастом у человека меняется энергетический потенциал, интенсивность его реакций на окружающее. И не только в том, что чем опытнее автор, тем настойчивее он стремится продемонстрировать широту своих художественных возможностей и потому меняет, варьирует ритмы. Объяснение этому феномену иное: они, эти ритмы и интонации, неотделимы от мироощущения, которое на протяжении жизни не может оставаться неизменным.

Если попытаться в самом общем виде определить направленность мировоззренческой и эстетической эволюции И. Игнатенко, то, возможно, уместна следующая формулировка: от социального и возрастного оптимизма, от в какой-то степени идиллических представлений о жизни, от восторга перед открывающимся миром, от фиксации внешних сторон жизненных и природных феноменов, от простого логического и образного отражения увиденного – к постижению драматизма бытия, к обретению способности проникать во внутреннюю сущность явлений, прозревать в сиюминутном и конкретном вечное и универсальное, к постижению сокровенных тайн бытия. А кроме того, к осознанию, что не всё можно выразить в прямой понятийной и даже образной форме. Похоже, здесь не обошлось без влияния Лермонтова, без глубоких размышлений над его стихами, в том числе над строчками: «Есть речи – значенье / Темно иль ничтожно, / Но им без волненья / Внимать невозможно...» Частное проявление этого влияния – появление в стихах Игнатенко глубинных, подтекстных смыслов и глубинной же, внутренней мелодики, играющей не прикладную, сугубо формальную, а самостоятельную содержательно-смысловую роль. Именно этим, судя по всему, объясняется смена ритмико-интонационного рисунка в поздний период творчества. Впрочем, это прекрасно выразил и сам поэт в стихотворении «Звуки»: «Есть стихи – им слов не надо – / Ритмы пульса по ночам, / Наказанье и награда, / Век бы слушал и молчал».

Поздняя лирика Игнатенко – это не оптимизм и пафос, а раздумья о смысле бытия, о хлебе насущном, что так тяжело достаётся человеку. Не столько категоричное утверждение, основанное на уверенности в обладании истиной, сколько поиск ответов на вопросы, в том числе неразрешимые. От риторики и одической тональности поэт всё более склоняется к элегической, от злободневной публицистичности и пресловутой «актуальности» – к созерцательности и, наконец, к философскому размышлению, *думе*. В стихотворении «Читая "Слово о полку Игореве"» настроение, которое всё чаще овладевает поэтом, нашло поистине афористичное воплощение: «Посмотри, / Подумай, / Помолчи». Сознательно или нет, но автор здесь апеллирует к Тютчеву, к его знаменитому: «Молчи, скрывайся и таи / И чувства и мечты свои... Как сердцу высказать себя? / Другому как понять тебя? / Поймёт ли он, чем ты живёшь? / Мысль изреченная есть ложь» («*Silentium*»).

Возраст лирического героя поздних стихов Игнатенко – возраст зрелости, житейской и философской мудрости. А это, в свою очередь, не могло не вести к поиску соответствующей художественной формы, в том числе жанровой. На смену, условно говоря, *одам, гимнам, сатирам* приходят неканонические, «нелитературоведческие» жанры, восходящие к фольклору или, чаще, к христианской традиции: *воззвание, заклинание, заговор, плач, похвала, притча, молитва*... Показательно, что в «Избранное» автор включил пять стихотворений, жанр которых так и определил: «Молитвы».

Исповедальность, особая, доверительно-сдержанная интонация, прозрачная ясность мысли и чувства, простота стиля, подчёркнутое отсутствие формальных изысков – таковы самые выразительные черты лирики И. Игнатенко. Обращает на себя внимание также склонность автора, с одной стороны, к юмору и особенно иронии, с другой, к высокому слогу, к словам, которые многими ныне воспринимаются как архаика – и не только лексическая, но и понятийная: *стяги, стезя, честь, взыскует*...

Подводя итог сказанному, можно уверенно заключить: Игорь Игнатенко создал свой собственный, во многом неповторимый художественный мир. Его стихи, несомненно, встанут в один ряд с лучшими произведениями таких известных амурских авторов, как Леонид Волков, Фёдор Чудаков, Игорь Ерёмин, Борис Машук, Николай Фотьев, Валерий Черкесов, Владислав Лецик. Но не только. Масштаб и значение художника по-настоящему могут быть осознаны лишь в системе национальных ценностных и культурных координат. Думается, творчество И. Игнатенко в этих координатах не теряется. По этой причине в данном материале цитировались и упоминались писатели высокого ряда: именно они оказали на певца Приамурья самое большое влияние, именно они наиболее близки ему мировоззренчески и эстетически, именно с ними Игорь Игнатенко ведёт напряжённый творческий диалог на протяжении всей своей писательской судьбы.

Урманов Александр Васильевич,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы
Благовещенского государственного педагогического университета.